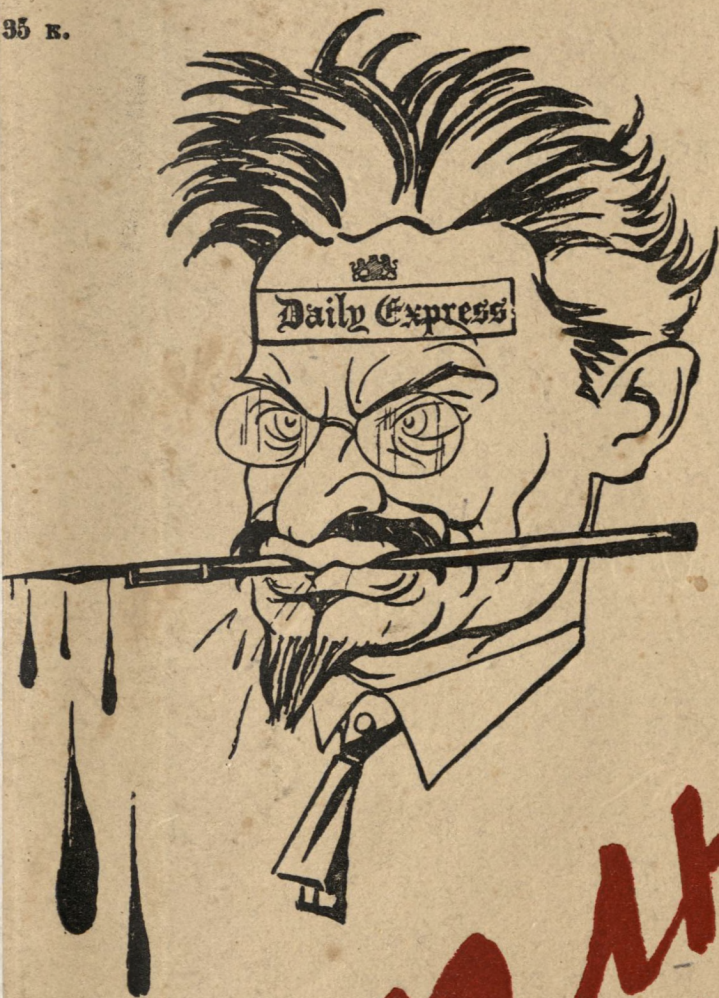

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РИСУНКИ ДЕНИ

Миллионут
некогда

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПЛЮНУТЬ НЕКОГДА

РИСУНКИ ДЕНИ

**РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
А. ЕФРЕМИНА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1980 * ЛЕНИНГРАД**

Про Троцкого нынче мне толковать,
Что дохлую крысу жевать:
Пища не очень-то вкусная,
Прямо гнусная.
Так нет же, тебе крысу эту суют,
Пристают,
Покою тебе не дают.
Находятся провокаторы,
Анонимные литераторы,
Которые мне досаждают,
Письмами осаждают:
— „Что-ж ты это, Демьян, только зря
В „ПРАВДЕ“ 4-го января
В фельетоне, тобою самим позабытом,
Лягнувши Троцкого копытом,
Хвалился:¹ — Уж вот я, ребятки,
Как вернуся из Вятки,
То-то сделаю Троцкому головомойку! —
И вдруг ты такую показал неустойку:
Хвастанул и — в кусты!
Ужели осечка?
Два месяца — шутка ль? — прошло уж, а ты
О Троцком еще ни словечка!

Не ты ли трезвонил — Бам! Бам! —
Дубиной на Троцкого тыча?
Что-ж молчишь? Аль кость не по зубам?
Аль не по силам добыча?
Аль совесть в тебе заговорила — не вся,
Так ее уцелевший остаток?
Или чем ты особым таким занялся,
Что теперь оправдать ты не в силах задаток?“

Читаешь блудливое
Письмецо
И видишь тоскливое
И злое лицо
Фармацевта или журналистика,
Обозленного троцкистика,
Обозленного,
Оскорбленного,
В лучших чувствах задетого:
Не выносит он этого!
Почему о его перманентном вожде
Ни словечка нигде?
Демьян было дал обещание
Нарушить сплошное молчание.
Пусть хоть так: растуды да туды!
Непочтительно, так непочтительно!
Но... набрать в рот воды!..
Возмутительно!!

Что-ж выходит? Что влип я, кажись?
„Давши слово, держись?“
Да ведь слово-то дал я случайно.
Возмущен был я необычайно,
Пробежавши „Мейн лебен“,
Книгу Троцкого, собственный автомолебен,
Автоакафист,² верней.
Что за книга! Каких только в ней
Не найдешь ахиной!³
Восхищенный своею, „столь дивной, судьбою“,⁴
Троцкий сам пред собою
Раздул славословий кадило:
— „Радуйся пресветлое светило!
Радуйся, словесный ратоборче!
Радуйся, октябрьский мифотворче!
Радуйся, несравненный гение!
Радуйся, Ленина затмение!
Радуйся, меньшевистской карьеры увенчание!
Радуйся, собственное величание!
Ра-а-а-а-а-дуй-ся!!“—
Сладкогласно!
Прекрасно!
Божественно!
Но что до меня, то, естественно,
Что при виде сего торжества
Самовлюбленного божества,
Его словоизвержения
И самоублажения,
Мне, безбожнику отъявленному,

Захотелось дать божеству новоявленному
Толчок ощутительный,
Фельетон написать непочтительный,
Повести в нем суровую, трезвую речь
Про естественные пути и законы, —
Снять „сиянье“ и „ризы“ совлечь
С троцкистской иконы.

* * *

Но... тут Вятка меня подвела.
Вятка в гости звала.
„Вятка ждет и надеется...“
—Ладно, думаю, с Троцким успеется!—
Попап я в тихие заводи Вятки
В православные святки.⁵
Вятичи по улице праздню шаталися,
На бойких лошадках каталися.
Попы со звездою
Прихожан навещали,
А те не водою
Попов угощали.
Гудели торжественно колокола,
Вятка пила!
—„Ну дела!“
Поговорив с тем-другим забулдыжкой,
Тех-других коснувшись местных имен,
Почувствовал я, как запахло отрыжкой
Далеких, щедринских времен.⁶

Усладивши свой взор той-другою картиною,
Я вернулся из Вятки с растерянной миною.
Не до Троцкого было.
Стал отчет о поездке писать я уныло.
Настрочил торопливо главу:
„Скверный сон наяву“.
Написалась глава и вторая:
„История вятского края“.
Вижу, книга, никак, намечается,
Только кислая очень она получается.
Я вернулся из Вятки
Без желаемой, бодрой зарядки.
Не туда я, выходит, полез.
Без зарядки, однако, зарез!
Тут помог мне приятель мой, Волин:
— „Приезжай-ка к нам в Нижний, так будешь доволен!
Всё окинешь внимательным оком.
Чудеса ведь какие под боком!“
Проведенные в Нижнем три дня
Воскресли меня.
Да уж как воскресили!
Куда только ноги меня ни носили!
Каких только я ни увидел чудес!
Первым делом, я сразу воскрес,
Попав на Нигрэс.⁷
На Нигрэс, этот электрохрам удивительный,
Чей — по-новому — благодетельный, чистый, живительный
Электроток
Летит через пески, через сыпучие

**И чрез дебри дремучие,
На север, на запад, на юг и восток,
Гремит на болотах, в лесах и затонах,
Возводит заводы-гиганты в районах
Канавинском, Сормовском, Нижегородском,
Растяпинском, Муромском и Богородском,
Берет вековую отсталость под прессе!
Культурный размах! Небывалый прогресс!
Так про что мне писать? Про Нигрэе?
Иль — о жалком, шипящем, завистливом Троцком?!**

**А затем — Балахна!⁸ Вот где уйма чудес-то!
Вот где пьяным я стал без вина!
Вот где сказочно-дивное место:
Балахна!
Балахна, свою силу утроить готовая,
Наша гордость, бумажная фабрика новая!
Балахна!
Балахна!
В Балахне без восторга не ступишь ни шагу!
Как волнует и как потрясает она,
Эта чудо-картина превращенья бревна,
Лесного бревна — в городскую бумагу!
И вот этот, вот свеженький лист —
Как он девственно-чист!
Как он нужен в советском, культурном
Строительстве бурном!—**

И вот этот вот лист — мной погубится он —
При таком положеньи с бумагой сиротском,
Когда остро нужны нам не тысячи тонн,
А миллион! Миллион! —
Этот лист изведу я на злой фельетон
О Троцком?!
Стану тощую, дохлую крысу жевать?
Нет, тому не бывать!!

* * *

Я пробовал. Очень противно.
В „Мейн лебен“ все дивно.
Написана книга в том пошлом настрое,
В каком пишет пошлость о пошлом герое.
Читать самохвальство,
Бесстыжую ложь и нахальство
Нестерпимо порой:
— „Я — герой!
Я — герой!
Я — герой с малолетства,
С утробного детства!
Я помню, как маму сосал!
Как я лужу... Да, сделал огромную лужу!“
Герой эту лужу нам сам описал,
Как прилично великому мужу:

Наиболее твердо осталось в памяти такое про-
исшествие:

Денис
3

я с матерью в семье, где есть девочка двух или трех лет... Дети играют в зале... Потом девочка исчезает, а маленький мальчик стоит один у комода, он переживает момент остолбенения, как во сне. Входит мать с хозяйкой. Мать смотрит на мальчика, потом на лужицу возле него, потом опять на мальчика, качает укоризненно головой и говорит:

— «Как тебе не стыдно»...

— «Ничего, ничего,— говорит хозяйка,— дети заигрались».

Маленький мальчик не испытывает ни стыда, ни раскаяния.

Л. Троцкий. Моя жизнь. Стр. 18.

Герой обмарался?

Нет, он „заигрался!“

Ни раскаяния у него, ни стыда.

Точно в наши года:

Напрудил эвон лужу какую позорную!

— Брось, кричат ему, эту политику вздорную!—

А ему хоть-бы что! Никакого стыда!

Словно с гуся вода!

Словно речь не о луже идет, о купели,

Где герой уже выявил силу свою.

Что пред ним Геркулес? ° Тот герой в колыбели

Задушил детской ручкой змею.

А у Троцкого — лужа. И лужа — повторно!

По герою и подвиг, бесспорно!

Я пытался даже вести рассказ о себе в третьем лице.

Моя жизнь. Стр. 18.

„Троцкий путешествовал“.
„Троцкий приветствовал“.
„Троцкий — могильщик российской империи“.
Сколько тут фанаберии!
Фанаберии ¹⁰ сколько!
Юлий Цезарь ¹¹ — и только!
Цезарь! Чем удивили!
Есть у Троцкого тоже „Де белло цивили“! *
Нет, каков наш герой! Полюбуйтесь, вот:
Даже к древним героям подход
У него конкурентный!
Герой перманентный!

Мне, должно быть, было уже четыре года, когда кто-то посадил меня на большую серую кобылу... Кобыла тихо подвезла меня к грушевому дереву... Не понимая, что это значит, я съезжал по крупу вниз, пока не шлепнулся в траву. Больно не было, но было непостижимо. (Стр. 20.)

И таким он остался до последнего дня.
Не с кобылы упал, с боевого коня,
„Не понимая, что это значит“.
Не понимая, клеветает, судачит,
И в писаниях длинных талдычит одно
(Неприятно в провале сознаться, вестимо!)
— „Больно не было, но...
Непостижимо!“

* „О гражданской войне“. ¹²

День моего рождения совпадает с днем Октябрьской революции...

Год моего рождения был годом первых динамитных ударов по царизму. (Стр. 12 и 21.)

Иловайский-то ¹³ старенький где пригодился!

Ну, точь-в-точь, аккурат:

—„Александр Македонский ¹⁴ родился,

Когда Герострат

Сжег храм Дианы Эфесской“.

Такой параллели подивитесь веской!

И поверит какой простофиля,

Что тут дан образец пролетарского стиля?!

Осенью (1887 г.) я экзаменовался в первый класс реального училища св. Павла.

При церкви св. Павла существовал сиротский дом. Для него был выделен угол нашего училищного двора...

В течение семи лет я гулял на этом дворе и не знал имени ни одного из сирот...

Я совсем мало жил жизнью улицы, площади... Драки мальчиков на улице казались мне позором... (Стр. 72.)

Вот такая пред нами брезгливая штучка.

Настоящий барчук. Чистоплюй. Белоручка.

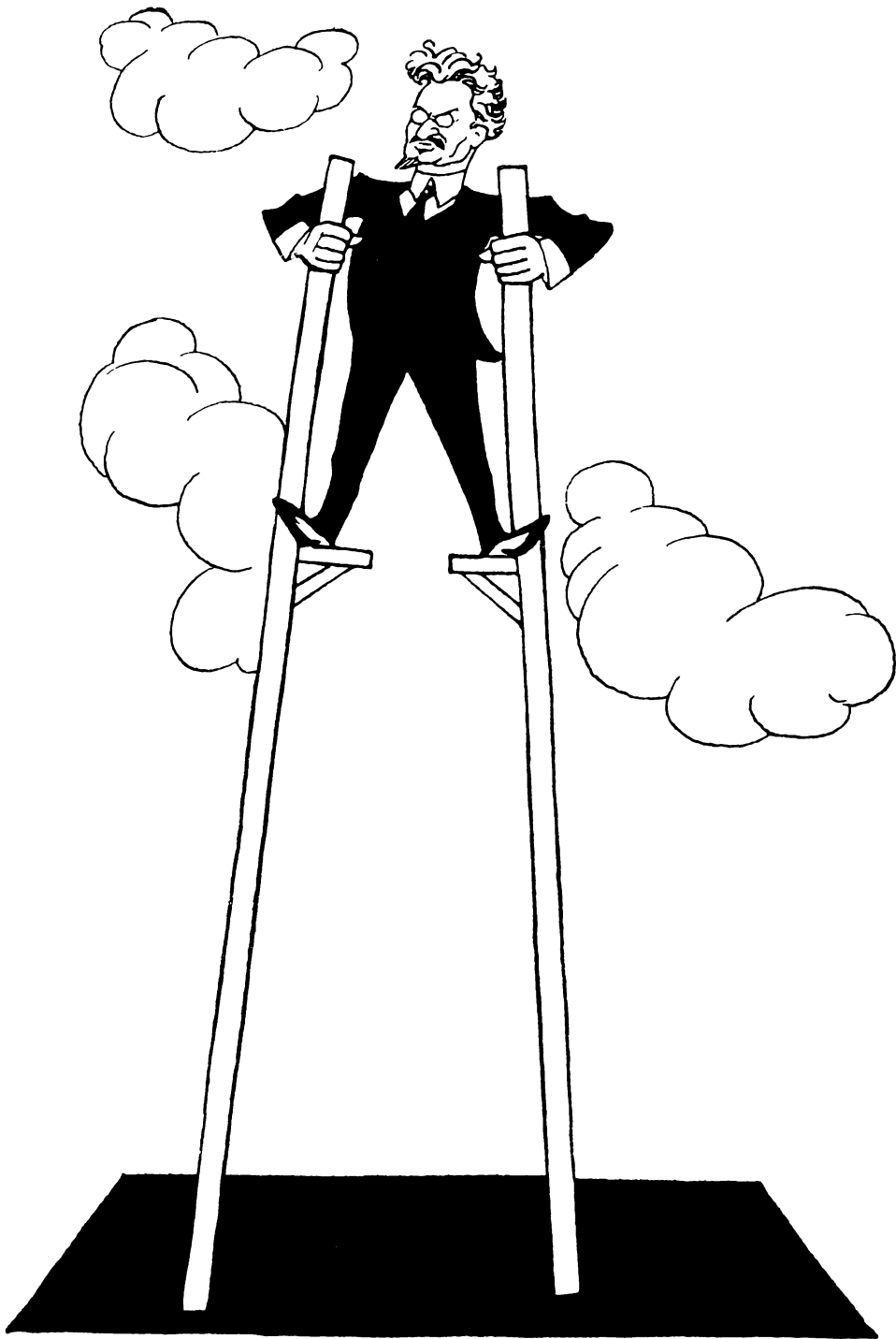
От сирот

Поворот,

От мальчишек от „уличных“ тоже.

Как на позднего Троцкого это похоже,

Разве был чем похож он на „парня-рубашку“,

ДЕНЬ 302.

У которого вся тут „душа — на распашку“?
Разве было хоть столечко в нем простоты?
Разве он не привык видеть всех „с высоты“?
Высота оказалась, однако, ходулями,
А троцкистские пули — вонючими пулями,
Вот что детские могут пророчить грешки.
Перед нами — штришки.
Их великое множество.
С Троцким шутку презлую сыграло искусство.
Он желал, как художник, описать свое детство.
Но, как видите, краски — коварное средство:
За чертою черта.
За чертою черта,
Здесь брезгливая, чванная линия рта,
Здесь — мерцанье недоброго взгляда,
Здесь — кричит театральность наряда,
Мелочь там, мелочь здесь,
Смотришь, автопортрет вышел весь,
Показавши нам все, самомнение и спесь,
В нежелаемой автору точности:
Ни единой не скрыто порочности!
Вот чем я объясняю секрет,
Что у Троцкого подлинный автопортрет
Получился не в той полемической части,
Где он пишет о том, „как стоял он у власти
И как он эту личную власть потерял“.
(Вот, скажу вам, где шуллерский материал!)
Нет, портрет его точный, помимо желания,
Там, где детские пишет он воспоминания,

**Где смягчает он облик любезного папы,
Живоглота лихого, чьи цепкие лапы
(Да, папаша героя был ирод таков!),
Лапы чьи так за горло хватали,
Так нещадно мотали
Бедняков,
Батраков,
Что у них, все терпевших покорно, без жалоб,
Глаза лезли на лоб!
Какие?
Слепые!
Слепые глаза!
Хозяин-гроза,
„Умный папа“ героя истории нашей,
Он рабочих кормил столь нежирною кашей,
Что они — (Отчий дом! Не разбойный вертеп ли?) —
Что они слепотою куриною слепли¹⁵:**

В сумерки они медленно передвигались, вытянув вперед руки. Гостивший в деревне племянник матери написал об этом корреспонденцию, которую заметили в земстве и прислали инспектора. На «корреспондента»... отец и мать были в обиде... Инспектор установил, что болезнь происходит от недостатка жиров, что распространена она почти во всей губернии, так как везде кормят одинаково, а кое-где и хуже. (Стр. 43.)

**„А кой-где и хуже!“
Был папашенька явственный кат,
Но сынок — адвокат**

**(Он и „вождь пролетарский“ к тому же?!),
Он смягчает отвратный папашенькин лик!
Прибавляя — не скроешь подобных улик! —
— „Ну так что же? Кой-где было хуже!“
Дальше отпрыск достойный папаши достойного
В стиле повествованья спокойного,
Не пославши папаше ни слова укору,
Отмечает, что в эту же самую пору,
Когда рядом, вот тут же с ним рядом,
Вечерами с „куриным“, невидящим взглядом,
Словно тени, слонялися люди голодные,
Он в недели каникул свободные,
Возбуждая своими талантами
Чувство гордости в любвеобильном отце,
Увлекался крокетом и фантами
И на кровном скакал жеребце:**

В деревне я играл в крокет и кегли, руководил
фантами и говорил дерзости девицам... Мало того,
в деревне я самостоятельно управлял кровным
жеребцом... (Стр. 77.)

**Но совсем отдает уж не шуткой
Случай, полный символики жуткой.
Наш герой, юный франтик,
Чей мундир украшал желтый кантик,
А фуражечку — герб в виде желтых трилистников,
В школу шествовал как-то сам-друг,
Гордо видя вокруг
Только злых, удивленных завистников:**

Мне казалось, что все прохожие глядят с изумлением, а некоторые, может быть, и с завистью на мое замечательное снаряжение... Но совершенно неожиданно высокий и худой мальчик лет тринадцати, видимо из мастерской, так как нес что-то жестяное в руках, остановился перед пышным реалистиком в двух шагах, откинул назад голову, шумно отхаркнулся, обильно плюнул мне на плечо новенькой блузы, посмотрел на меня с презрением и, не сказав ни слова, прошел мимо. (Стр. 65.)

**Посмотрите, пророческий случай какой:
Мальчик из мастерской
Сочно плюнул с презрением
На того, кто страдал уж тогда самомнением,
Плюнул — (Франтик противен был так нестерпимо!) —
И прошел, ни словца не промолвивши, мимо!
Тут же случай второй приключился.
В форму пышную франтик-то зря облачился,
Сколь она ни приятна для глаз:
У него оказался не тот вовсе класс!
Был совсем не такую он важную шишкой:
Не первоклассником, приготовишкой:**

Приготовишкам строжайше возбранялось носить форму... Надзиратель объяснил мне (в училище), что нужно снять герб, устранить канты, снять бляху и заменить пуговицы с орлами простыми костяными пуговицами. Так обрушилось на меня второе несчастье. (Стр. 66.)

Дени 301.

Второе несчастье. Тогда. В малолетье.
В зрелом возрасте с ним приключилось — третье:
Почему — он доселе не может понять! —
Угостили его мы холодной ванной?
Потому: первоклассная форма опять
Оказалась на нем самозванной.
Для гнилых, лицемерных,
Самохвальных, карьерных,
Меньшевицских пролаз —
Пробираться рискованно в „ленинский класс“!
Троцкий сам подтвердил нынче собственной книжкой,
В чем его основная беда:
Не вождем первоклассным, а приготовишкой
Вот чем быть перманентно ему — навсегда!

Мне о Троцком писать неохота.
Ждет иная работа.
Неохота опять-же других повторять.
Я не первый, кто стал-бы „вождя“ укорять
За гнилые его убеждения,
За его роковые черты отчуждения
От движущей силы, от творческих масс.
Он таков от рождения!
Таков его класс!
Он важно вещает:
Его возмущает,
Что ленинский подвиг, круша все препоны,

Довершают его... эпигоны!¹⁶
Эпигоны!.. Значение клички известно
Не повсеместно.
Уж какие у нас грамотей!
Эпигоны! Неужто злодеи?
Подводя под себя пьедестал,
Троцкий греческим классиком стал.
Он, герой, у сценических,
Плюс к тому—исторических,
Театрально сверкающих рамп¹⁷—
Каждый раз применяет классический штамп.
Как-же можно иначе?
Он нуждается в сдаче
Той-же самой, классической, то-есть, монетой.
Эпигоны!.. Какой-же приметой,
Древнегреческой тоже, отмечен он сам?
Приравнять нам героя к каким образцам?
Не с моей лишь судя точки зрения личной,
Был фигурой вполне историчной,
Гениально-практичной,
Осторожно-рассчетливый, мудрый Перикл¹⁸.
В появлениях вождей есть перикловский цикл.
Есть другой прототип, тоже древнеафинский,
Очень яркий, но не исполинский,
Недостойный с Периклом стать рядом,
Воплощаемый Алкивиадом¹⁹.
Кто с афинской историей малость знаком,
Тот о типе таком
Сохранить представление должен не лестное:

Алкивиада вилянье бесчестное,
Самовлюбленность его отвратительная,
Демагогия грязная и возмутительная,
Словоблудье, циническая беззаконность,
К авантюрам военным „геройская“ склонность,
Всё, что делал он „красочно“ и — неумело,
Погубило периклово дело.
Он способен был сделать любую диверсию,
От суда эмигрировать в Спарту и в Персию,
Чтоб оттуда, Афинам свинью подложив,
Еще хвастаться подвигом таким свинским:
— „Я ужю покажу заправилам афинским,
Что я—жив!“
Показал он и вправду большую „живучесть“,
От Афин добиваясь прощенья вин.
Но печальна была после этого участь
Трижды преданных Алкивиадом Афин.
Мастер треска
И блеска,
Пышной позы и фразы,
Соглашательства и авантюры безумной,
Для Афин оказался он хуже заразы,
Самой страшной заразы, губительной, чумной!
Война, изнуренье,
Позор, разоренье,
Политический, внутренний ад,
Полный крах и конечный распад,
Это—Алкивиад!

Но ведь мы, эпигоны,
Не совсем-то вороны,
Не сумевшие справиться с Алкивиадом.
Мы ведь спаяны все с пролетарским отрядом,
Мы — в массиве, не просто отдельные точки,
Хвастуны-одиночки,
Мы не жиденькие кабинетные доки,
Вожди и пророки,
Божественно-дивные,
Интуитивные,—
Мы не дуто-огромные,
Наша речь—не „глаголы“,—
Все—простые, все—скромные,
Мы—работники ленинской школы,
Не эпигоны трусливые,
Не интриганы блудливые,
Не пшюты-привередники,
А прямые великого дела наследники,
Прямые, законные,
Бойцы непреклонные,
Не герои античные,
А живые, практичные,
Не кривляки манерные,
А соратники Ленина стойкие, верные!
Прямяком, изворотливо,
Тем иль этим путем,
Но мы знаем отчетливо,
С кем, куда мы идем!
Мы в дебрях глухих пролагаем дороги,

**Мы в реках порожистых рвем все пороги,
Мы трактор пускаем по дикому полю,
Закаляем стальную пролетарскую волю!
Мы пред первой опасностью не остановимся,
Ни врагам не спускаем мы, ни холуям,
Мы куем свою мощь, мы упорно готовимся
К мировым, неизбежным, боям!
И нет времени нам, отрываясь от гайки,
Откликаться на брѣх пустолайки.
Мы плюнем на лайку и пройдем быстро мимо.
Мы работаем яростно, неутомимо:
У нас Днепрострой, Автострой, всюду — строй!
Мы плюнем!.. А там оловянный герой
Утрется и вымолвит: — „Не-по-сти-жи-мо!“
Ему никогда ничего не постичь.
Он будет пороть перманентную дичь
И, всем надоевши, начнет обижаться:
Не хотят с ним сражаться!
Хоть бы плюнули сочно,
А то, чай, нарочно,
Уже не плюют!—
И совсем не нарочно,
А дела не дают:
Плюнуть некогда! Точно!!**

«П р а в д а» 14 марта 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обещание дано в краткой эпиграмме „Новый барон Мюнхгаузен“* — болчком стихотворении, где поэт упоминает о чванной и насквозь лживой книге Троцкого „Мейн лебен“ („Моя жизнь“), Берлин 1930 г.

Демьян Бедный в упомянутом стихотворении пишет:

„Мейн лебен!“ Вот штучка, так штучка!

У меня из Москвы на время отлучка.

Я скоро вернусь.

(Ведь не так далека уже Вятка!)

Я скоро вернусь и тогда эту гнусь,

„Жизнь Троцкого“, распотрошу без остатка...

Эпиграмма была напечатана в газете „Правда“ 4 января 1930 года. После этого Д. Бедный поехал в Вятку, вернулся в Москву, а затем съездил в Нижний-Новгород.

² А б а ф и с т — хвалебное песнопение, восхваление. Автоакафист — самовосхваление.

³ А х и н е я — чушь, пустяки, вздор, бессмыслица.

⁴ „Столь дивной судьбою“ — перефразировка строки из стихотворения Пушкина — „Песнь о вещем Олеге“ („Завидует недруг столь дивной судьбе“).

⁵ „В православные святки“. — Поэт был в Вятке в начале января, когда отсталые слои населения празднуют Рождество по старому стилю.

* Мюнхгаузен — нарицательное название беззастенчивого врага и хвастуна. Название пошло от известной книги „Приключения барона Мюнхгаузена“.

⁶ „Щедринских времен“.— Известный сатирик Щедрин-Салтыков (1826—1889) был выслан на службу в Вятку в 1848 году и прослужил там около семи лет. Нравы вятчей изображены Щедриным в сатирическом произведении „Губернские очерки“.

⁷ Н и г р а с — Нижегородская районная электростанция.

⁸ Б а л а х н а — город на Волге близ Нижнего-Новгорода. Здесь этим именем обозначен грандиозный бумажный комбинат, картонная фабрика, электрическая станция и пр.

⁹ Г е р к у л е с — сказочный герой древних греков. Согласно мифу, коварная Гера послала в колыбель младенца-Геркулеса, когда ему было восемь месяцев, двух змей с целью умертвить мальчика. Но тут Геркулес впервые обнаружил свои богатырские силы и задушил змей руками. Легендарный этот подвиг воспет знаменитым греческим поэтом Пиндаром.

¹⁰ Ф а н а б е р и я — спесь, чванство.

¹¹ Ю л и й Ц е з а р ь — (100—44 гг. до нашего летосчисления) — политический деятель и полководец древнего Рима.

¹² „De bello civili“ („О гражданской войне“) — одно из сочинений, написанных Цезарем.

¹³ И л о в а й с к и й Д. И. (1832—1920) — автор распространенных в дореволюционной школе патристических учебников по истории. Учебники эти он пек, как блины, и уже в восьмидесятых годах можно было встретить такие, например, отзывы об его учебниках: „Он фабрикует свои учебники по истории с чисто апраксинской спешностью и предприимчивостью“. Учебники Иловайского по древней истории были наполнены анекдотами и псевдонаучным хламом. Вот образец: „Рассказывают, что Александр Македонский родился в ту самую ночь, когда безумный грек Герострат, желая увековечить свое имя в истории, сжег великолепный храм Дианы в Эфесе, считавшийся одним из чудес света“.

¹⁴ А л е к с а н д р М а к е д о н с к и й (356—323 гг. до нашего летосчисления), прозванный Великим.— Царь и полководец древней Греции. Организовал военный поход против терпящей внутренний развал персидской монархии, одержал ряд блестящих побед, покорила Па-

лестину, Египет и др. Завоевания его способствовали установлению тесного взаимодействия греческой и восточной культуры.

¹⁵ Куриная слепота — болезнь зрения, приводящая к тому, что глаз становится малочувствительным к слабым световым раздражениям. Вследствие этого больные куриной слепотой днем видят нормально, но с наступлением сумерок они уже почти ничего не видят, а ночью бродят, как слепые. Болезнь развивается преимущественно на почве плохого питания.

¹⁶ Эпигоны — измельчавшие продолжатели идей и предприятий своих более крупных предшественников.

¹⁷ Рампа — ряд ламп у переднего края театральной сцены.

¹⁸ Перикл (пятый век до нашей эры) — знаменитый политический деятель древних Афин, вождь демократической партии. Афинское государство при нем достигло высшей степени могущества, культуры, влияния и пр.

¹⁹ Алкивиад (пятый век до нашей эры) — афинский политический деятель и полководец, крайне честолюбивый и самовлюбленный. Увлекал Афины к авантюрам. Изменял Афинам, переходил на сторону врага и выступал против Афин, затем снова переходил на сторону Афин. В конце концов был афинянами изгнан за пределы государства. — В параллель к детским воспоминаниям нового Алкивиада — Троцкого — приводим характерный отрывок из древнего историка Плутарха, — отрывок, полный сарказма; вот он: „Самою пылкою из страстей Алкивиада было честолюбие и желание быть первым во всем, как это видно из рассказов о его детстве. Раз он стал бороться. Его одолевали. Тогда, чтобы не упасть, он притянул ко рту руки своего более сильного противника и чуть было не искусал их. Тот выпустил его и сказал: „Ты, Алкивиад, кусаешься, как баба“. — „Напротив“ — отвечал последний, — „как лев“. (Плутарх).

